

ПРИТЯЖЕНИЕ СЛОВА

К 85-летию АКИМА ТАРАЗИ

9 сентября исполнилось 85 лет известному казахскому прозаику, классику казахской литературы Акиму Уртаевичу Тарази. В годы независимости имя Акима Тарази стало известно не только в ближнем, но и дальнем зарубежье. В 2011 году писатель награждён медалью Франца Кафки «За вклад в развитие мировой литературы». Аким Тарази достойно представляет казахскую литературу в современном мире.

Лондонское издательство Stacey International выпустило в свет книгу Акима Тарази – «Into the Abyss». Это перевод на английский язык хорошо известного казахстанскому читателю романа «В тени протуберанца», новый перевод которого на русский язык в новом веке осуществил Геннадий Доронин.

Привлекают зарубежного читателя и романы «Жаза» («Возмездие»), «Москва – Баласаз», за которые в 1998 году писатель получил Государственную премию РК. Его перу принадлежат романы «Тасжарған», «Гнездо в облаках», «Голубая колыбель», сборники повестей «Комета», «Большой аул», «Перевал за перевалом», пьесы «Несмешная комедия», «Хороший человек», «Везучий Букен». Аким Тарази – автор сценариев фильмов «Следы уходят за горизонт», «Выстрел на перевале Караш», «Звучи, там-там!», «Мустафа Шокай» и «Молитва Лейль» по повести Розы Мукановой. Книги Тарази переведены на русский, китайский, польский, болгарский, английский, венгерский и финский языки.

Одним из первых Аким Уртаевич переехал в Астану. Сам он об этом в год 20-летия столицы говорит так: «Я с удовольствием ощущаю себя астанинцем. Я выхожу на улицу и чувствую себя гражданином свободной страны. Мне довелось приехать в новую столицу в декабре 1997 года, и я почувствовал, что здесь даже воздух целительный. Потом здесь предложили работу моей супруге – писательнице Розе Мукановой. И вот теперь в Астане выросли наши дети. У нас с Розой вышли новые книги. Мы работаем со студентами Национального университета искусств, где у меня своя сценарная мастерская. В Астане активно действует филиал Союза писателей Казахстана, насчитывающий уже более ста литераторов.

Побывав почти в 40 странах мира, могу заметить, что более разумно строящегося города не встречал. Астана – самый молодой, самый яркий город. Какая здесь планировка, какие здания, сколько здесь простора и воздуха! Я написал три эссе об Астане. Конечно, есть в них и образ Президента Нурсултана Назарбаева, главного созидателя нашей столицы. Мне нравятся слова Нурсултана Абишевича о новой столице на Ишиме: «Прекрасный и мирный город!» И мне нравится, что все чаще Астана становится не только местом встреч для политиков и экономистов, но и для писателей и поэтов».

А недавно лауреат Государственной премии РК Аким Тарази подарил Национальной академической библиотеке в Астане часть личной коллекции книг. Среди 1000 экземпляров, пополнивших её фонд, немало ценных экземпляров. Это художественная и научно-популярная литература по истории, философии, литературоведению и языкознанию. Свою четырёхтысячную коллекцию книг Аким Тарази начал собирать ещё в студенческие годы. Большую её часть составляют произведения казахских писателей и поэтов, видных общественных и политических деятелей, книги о культуре, истории Казахстана. Также здесь представлена зарубежная литература.

– Обращаюсь к молодежи – читайте! Мне бы хотелось, чтобы книги из моей коллекции работали, активно использовались читателями, – напутствовал читателей писатель.

– Обращаюсь к молодежи – читайте! Мне бы хотелось, чтобы книги из моей коллекции работали, активно использовались читателями, – напутствовал читателей писатель.

С Национальной библиотекой известного писателя связывают давние творческие отношения. С 2007 года Аким Тарази является заместителем председателя оргкомитета акции «Одна страна – одна книга». Он почётный гость мероприятий, проводимых в библиотеке.

К открытию коллекции была оформлена выставка книг из фондов библиотеки, посвящённых жизненному и творческому пути Акима Тарази, подготовлен библиографический указатель, в который включены разделы «Биография Акима Тарази», «Высказывания о Тарази», «Произведения Акима Тарази», «Произведения и публикации Акима Тарази в периодической печати» (1969–2015 гг.), «Драматургия Акима Тарази», «Аким Тарази в зарубежных источниках», «Переводы Акима Тарази», «Сценарист Аким Тарази», «Об Акиме Тарази», «Электронные ресурсы», также в указатель включены ресурсы Интернета о писателе.

В 2014 и 2015 годах журнал «Простор» опубликовал романы «Возмездие» и «Москва – Баласаз» на русском языке в собственном переводе автора. Думается, это своеобразный подвиг писателя, не доверившего свои такие необычные романы, со своей стилистикой и сугубым психологизмом переводчику. Поздравляя нашего любимого автора Акима Уртаевича Тарази с его замечательным юбилеем, редакция «Простора» предлагает вниманию читателей размышления писателя, переводчика Геннадия Доронина об этих романах и биографический очерк Валерия Михайлова «Писатель – это цветок, который растёт на камне».

Геннадий Доронин

ПЛАМЕННЫЕ МИРЫ АКИМА ТАРАЗИ

Писатель Аким Тарази как-то рассказал мне, что один год своей жизни потратил на прочтение, а точнее сказать – перечитывание своих произведений. Это была нелегкая и объёмная работа, но художник, требовательно относящийся к своему творчеству, решил на нее. Не каждый зрелый литератор способен оторваться

от текущей работы, отложить повесть, роман, которые, надеется писатель, будут новым словом в литературе, и засесть за свои прежние, давно опубликованные произведения. Я так понимаю, что им движет высочайшая ответственность перед читателем и, конечно, перед самим собой.

На мой вопрос, доволен ли он результатами необычной творческой ревизии, Аким Уртаевич тогда коротко ответил: «Вполне».

Какая внутренняя работа свершалась, какие нравственные, интеллектуальные высоты писатель штурмовал, – знает только он один, но вот с интервалом в один год в журнале «Простор» опубликованы два романа – «Возмездие» и «Москва – Баласаз». Критики, литературоведы, думается мне, не оставят эти произведения без внимания, я же только хочу поделиться с читателями первыми впечатлениями от прочтения этих неординарных вещей.

Начну с того, что оба романа переведены с казахского на русский самим автором, и это еще одно свидетельство того, как высоко поднята им творческая планка, как идет филигранно точная работа над словом, образами. Редкий переводчик сможет, сколь бы знающим и точным он ни был, максимально полно и емко передать национальный колорит, понять и донести до читателей казахский, в данном случае, космос, его многозначную атрибутику, национальный код. Я сам столкнулся с этим, когда имел честь переводить роман Акима Тарази «В тени протуберанца».

В произведениях писателя действуют герои разных национальностей, и они вполне уживаются там, но все-таки Тарази – ярчайший представитель именно национальной, казахской литературы. Его книги переводятся на различные языки, издаются за рубежом, но он в первую очередь – казахский писатель; самобытность его прозы только подчеркивает это. Читая его рассказы, романы, пьесы, словно переносишься в аул, сельский дом, юрту, а вокруг тебя – привольная ковыльная степь.

Теперь мир Тарази глубже раскрывается русскоязычному читателю.

Наверное, не сильно ошибусь, если скажу, что Аким Тарази всегда тяготел к философской прозе, его герои чаще всего вовлечены в отношения с напряженным психологическим подтекстом. Он вместе с ними словно исследует реальность, помещая их порою в невыносимые условия, стараясь разглядеть сквозь темноту и отчаянье верный путь, если он есть. Преодолевая страх перед жизнью, герои книг Тарази нередко предпочитают расстаться с нею, если она понадобится на чаше весов справедливости.

Опубликованные в «Просторе» романы я назвал бы откровенными, а может быть – сокровенными, размышлениями автора о жизни. Написанные в разное время, они схожи глубиной и остротой отображения действительности. Да, это не легковесное чтение, не бестселлеры, проза Акима Тарази дает работу мозгу, задевает душу, не боится причинить боль. Эта боль из тех, что врачует...

«Возмездие» написано, подтверждает Аким Уртаевич, под влиянием декабрьских (1986 года) событий в Алма-Ате. Во избежание неприятностей, которые могли тогда последовать, писатель вынужден был пуститься на хитрости. Он уверил цензоров, что это перевод с японского.

«Москва – Баласаз» – непростое для понимания произведение. Казалось бы, это довольно несложная история, разыгравшаяся в далеком ауле, с целой кучей трупов. Убийца – бывший чекист, у которого руки по локоть в крови, он

убивал на допросах одним ударом кулака. Однако писатель усложняет задачу: странную силу над убийцей имеет, как свет полной Луны, черный костюм, белая рубашка и красный галстук. Человек, облаченный в эту одежду, получает почти полную власть над бывшим чекистом. Согласен с Акимом Тарази, что гражданская оболочка часто выглядит, как форменный костюм; за личиной благопристойности нередко кипят самые низменные страсти. Именно в таком костюме ходил его первый начальник – царь и бог для молодого новобранца системы.

Но автор идет еще дальше. В ауле времен Константина Устиновича Черненко происходит много странных вещей: директором сельской школы назначается еще совсем мальчишка – 23-летний Абр-Али, честолюбец, карьерист. Он берет своим заместителем Рауза, того самого чекиста (бывших чекистов, должно быть, не бывает), которого никогда особенно не смущало, что многие арестанты, которых он допрашивал, приходились ему родственниками: «Как только по заведенному порядку начинаешь читать анкетные данные, он, этот враг народа, окажется то – твоим сородичем, то – твоим дядей по отцовской линии, то – твоим дядей по материнской линии, то – твоим сватом, то – твоим троюродным (!) сватом, а то еще по какой-нибудь линии... Не зря ведь говорят: “Родство у казахов, как вороньи жилки, – бесконечно разветвленные, бесконечно запутанные”...»

По сути дела, чекист поднял руку на свою семью. Сложный, страшный образ, выписанный Акимом Тарази с убийственной тщательностью, словно он предупреждает: жестокость – не импортный продукт, она не за морями и океанами – она рядом с нами. Она в памяти людской. Этот вывод приходит после прочтения обоих произведений.

Произведения глубокие, сложные, странные. Так и должно быть в такой, остранинной, прозе, она должна «ломиться» от необычайного, шокирующего, притворяющегося обыденным. Так это и есть. Рауз оказывается творцом. В своей мастерской он создает человечков, дорогих его сердцу: «Вернулся прямо в свою мастерскую.

А там...

...сработанные им же, дорогие его сердцу человечки.

Человечки, каждый из которых по-своему:

...улыбался,

...хмурился,

...гневался,

...радовался,

...кружился в бешеном танце,

...бегал,

...убегал от кого-то,

...догонял кого-то,

...падая, ловил что-то,

...открывал рот, как при отчаянном крике,

...или принял позу боксера, который готовится нанести смертельный удар

кому-то,

...или...

...в ужасе убегал от кого-то,

...в дьявольском гневе, догонял кого-то...

...или...

...кому-то показывал язык...»

Так, перед нами Кукловод. Ему вручено (уж, не знаю кем) право карать и милловать, или он сам наделил себя этим правом, подобравши его в пыли далекого аула? Давно миновали страшные 20–30-е годы, или они только притаились в темных уголках сознания?

Аким Тарази из тех художников, которые создают запоминающиеся образы несколькими мазками, и вместе с тем он всегда оставляет читателю достаточно пространства для размышлений. Ведь даже финал романа он предлагает нам домыслить самим, автор повторяет: «Эта кровавая история началась первого июля и закончилась первого февраля следующего года. Если она... – будем все же надеяться – вообще закончилась». Писатель доверяет читателям. Может быть, знает, что рожденные на этой земле, пережившие разруху, голод, войны – страшные потрясения ушедшего века, они сами сделают нужный вывод?

Дотошный исследователь может усомниться: произведения Акима Тарази, о которых мы сегодня ведем речь, совсем невелики по объему, и, может быть, нам, привыкшим к тысячестраничным «кирпичам» современных саг, не нужно называть их романами? Отвечу так: романы Акима Тарази весомее многих «пудовых» сочинений, в них чувствуется высокое напряжение времени.

Мудрец, он, этот самый Аким Тарази, умеет сделать так, чтобы мы посмотрели на мир его глазами. Мир этот странный (остраненная проза), огненный – в этом пламени догорают последние иллюзии, мир жестокий и необыкновенно прекрасный. Я бы добавил: и мир этот любим писателем, создавшим его.

Что касается читателей, их остается поздравить с выходом хорошей прозы. Найдите журналы.

Валерий Михайлов

ПИСАТЕЛЬ — ЭТО ЦВЕТОК, КОТОРЫЙ РАСТЕТ НА КАМНЕ

27-Й РАЗЪЕЗД

Станция называлась – 27-й разъезд. Что за разъезд, почему разъезд? Непонятные у русских слова. Потом в школе объяснили: потому что разъезжаются отсюда поезда в разные стороны. Это да, не стоят на месте. Отдохнут с минутку, как запаленные байгой кони, и снова куда-то умчатся. Тает в воздухе угольный дым, клочья сажи, как стая ворон, опускаются на землю. Паровоз похож на могучего нара-верблюда, взревет, пыхнет черным огненным духом, рванет ржавые вагоны и утащит их за собою. Лишь рельсы остаются, пахнувшие горячим машинным маслом. Подрагивают, звеня. Они как две натянутые струны огромной, невидимой глазу домбры. Недолог, но тосклив этот звук. Он напоминает про отца. Вот так же пели рельсы, когда отец уехал далеко-далеко, на войну.

Эх, очутиться бы сейчас рядом с отцом! Но где этот город Мытищи, в котором обучают его на танкиста? Туда ли утянулся товарняк? Отец писал, что добирался до службы много дней и ночей. Слишком долго! Вот бы сразу, махом оказаться там!.. А может быть, он уже на передовой?..

Мальчишка подбирает засохшую ветку карагача, и ему вдруг видится, что это сказочный скакун-тулпар. Миг, и унесет под облака. И тополя, что выстроились вдоль их улицы, это вовсе не деревья, а богатырские стрелы. Да, меткие стрелы, ждущие наготове сильной руки воина, а лощина меж горных хребтов – колчан.

Но знаетмышленый мальчуган, что врагов видимо-невидимо, как этих непролазных репейников обочь дороги, хвастливо задравших свои колючие головки. Пожалуй, одними стрелами их не возьмешь. И вот уже корявая палка в руках представляется ему автоматом. Он видел в кино, как бойцы строчат очередями из железных стволов, поливают фашистов свинцом. Но пули так быстро кончаются... Нет, его оружие грознее, такого еще никто не видывал! Он поднимает палку наперевес, жмет на сучок – и яркие, нескончаемые, ослепительные пули – светопули – летят в густые репы, поражают тысячи и тысячи, миллионы фашистов. И он спасает от гибели раненного на поле боя отца...

– Да, вот такое у меня было воображение. Светопули! Ни больше ни меньше... – улыбается себе восьмилетнему Аким Тарази. – Честно признаться, мне до сих пор непонятны мои детские фантазии. Откуда сельскому мальчишке могло прийти в голову, что пули могут убивать светом? И я ведь ясно представлял себе этот непрерывный ослепляющий поток... Впрочем, такие вспышки воображения возникали не раз. Помнится, когда я впервые увидел работающий комбайн, в мгновение ока представил себе подобную ему чудо-машину, которая не только скашивает пшеницу, но и тут же размалывает зерно, заквашивает тесто, разводит где-то внутри себя огонь – и вот уже из широкой трубы вылетают не золотые пыльные зерна, а свежее испеченные булочки, душистые буханки. Впрочем, всякая фантазия, если разобраться, основана на реальности, и я теперь думаю, что просто мне тогда кушать хотелось. Мы же полуголодные весь день бегали, что там триста граммов сыроватого хлеба...

ДЕД АШИМ

Откуда, из каких туманов вытекает река детства? Никто не узнает этого. Но глядь – она уже течет, плещет волнами, играет бликами, увлекая за собой под неоглядным, как жизнь, небом. И вот появляется на берегу этой реки дедушка. Родной дедушка по имени Ашим. Необычный на вид, голубоглазый, рыжий, в ауле таких больше не сыщешь. Бросает тебе под ноги потертый коврик, показывает, как стать на колени, раскрыть ладони. И читает долго-долго по старой торжественной книге. Как музыка, льются слова. Красивы они и благозвучны, только непонятны. «Повторяй за мной, – говорит, – это священный Коран». Стоит старику прочитать разок-другой, и мальчик уже помнит эти слова и звуки наизусть. И точь-в-точь читает стих за стихом. Дед Ашим доволен, оглаживает бороду. Но на улицу отпускает только после намаза.

– До шестого класса я еще помнил суры Корана, не зная по-арабски ни слова. Потом они начали стираться в памяти и развеялись, как сладкий дым. Но, что удивительно, любовь к исламу осталась.

Десятка два лет тому назад мне довелось составлять сборник прозы казахстанских писателей о детстве, опаленном войной, и тогда я прочитал повесть Акима Тарази «Двор Акберды» – про мальчика Бураша по прозвищу Квадрат. Озорного

и серьезного, мечтателя и выдумщика. Двор его дедушки, в прошлом батыра, огороженный от поселка глухой глиняной стеной, был целым миром, в котором Бураш, сам того еще не понимая, познавал жизнь.

А снаружи мир тот состоял из двух улиц с одинаковым названием – Шанкаракши-первая и Шанкаракши-вторая, где обитал в бедности и тесноте простой сельский люд.

На 27-й разезд они попали в самом начале войны. Отец, учитель, добровольцем ушел на фронт. Матери, Абиме, одной не прокормить было малых детей. Вот и подались к родственникам отца.

Разезд находился в трех-четыре километрах от Джамбула по Каратауской ветке. Раньше никакой станции там не было, а просто стоял аул деда. Караозек – Черная лощина. Впрочем, в народе аул называли просто – Капал, по имени основателя рода, известного в крае батыра.

На самом деле дед Ашим, прототип Акберды, был не батыром, а муллою. До революции у него была мечеть. Еще дед Ашим учил детей в русско-туземной школе города Аулие-Ата, где заведовал мусульманскими классами. Но потом мечеть и школу закрыли, и дедушка остался ни с чем, если не считать малолетних внуков.

– Ну, и как он вас воспитывал? – спрашиваю у Акима Уртаевича.

– Строгим был, но в хорошем смысле. Как-то, помню, свернул я из клочка газеты самокрутку, набив ее конским кизяком. Разжег, принялся дымить, все мы тогда этим баловались... Дед увидел. Грозно, из глубины выдохнул: «У-у-о-о-ой!» – и крепко огрел по спине посохом. Следом понеслись проклятия. Я даже убежать не успел, растерялся. И такое у него лицо суровым сделалось, таким сильным голос стал, что до меня, мальчишки, вмиг дошло: то, что я делаю, страшный грех. И вот до сих пор не курю, не терплю курящих рядом с собою. А если случается прикоснуться к блестящей сигаретной пачке, тут же иду мою руки. Так что очень хорошо дед меня воспитал.

Внук запомнил такой случай. До войны, году в 40-м, начали строить железную дорогу до Каратау, к месторождению фосфоритов. Намечаемый путь должен был пройти по могилам предков. Узнав об этом, Ашим-ага кликнул сородичей, и они уселись на земле, не пуская строителей. Сидели три дня и три ночи не вставая. Но потом приехали солдаты на грузовиках и просто-напросто отнесли протестующих в сторону, метров за сто пятьдесят. Конечно, власти завели дело, попытались узнать, кто зачинщик. Дед Ашим скрывался от милиции на дальних отгонах. Однажды его чуть не схватили, однако родственница-старушка умудрилась спрятать бывшего муллу, принакрыв его в юрте одеялами и подушками. Благо, месяца через три-четыре все поутихло и от деда отвязались.

– И еще... наверное, после войны это было, – рассказывает Аким Тарази. – Прихожу из школы, а дедушка, как всегда, на завалинке сидит, греется на солнце. «Ну, чему сегодня учили?» – спрашивает меня, шестиклассника. «Говорили, что великий вождь товарищ Сталин – очень умный человек». Тут дед Ашим вдруг хитро так усмехнулся: «Если бы на его место в Кремле меня посадили, я был бы еще умнее».

Писатель становится задумчивым.

– Вообще, когда вспоминаю про дедушку, сразу вижу его на утреннем намазе, как по очереди, по старшинству он произносит имена трех своих сыновей,

ушедших на войну. Каждый день он молился за них. И двое уцелели, вернулись. Лишь старший сын Хабибулла погиб. После я узнал, что за какую-то провинность моего дядю хотели арестовать, и он сам попросился в штрафной батальон. Стал пулеметчиком, дослужился до офицера, получил орден. Но в конце войны, где-то в Прибалтике, пал на поле боя. Отцу же моему повезло, лишь однажды ранило. Он дошел до Берлина, оставил свою подпись на Бранденбургских воротах.

Дед Ашим дожил до глубокой старости, крепок был, бодр, ни сединки в бороде. Все мечтал, что свожу я его в Мекку и Медину. Он умер в 1956 году, восьмидесяти трех лет от роду, да и то, можно сказать, не своей смертью. Так случилось, что один ретивый хозяйственник отдал приказ снести его мечеть. К храму, уже без купола, давным-давно приспособленному под склад удобрений, подогнали бульдозер. Дедушке сообщили про это. Он выскочил из дома и побежал в сторону мечети. А она в трех-четыре километрах от аула. Упал на полдороге. За ним было кинулись, но опоздали немного. Принесли полуживого, уложили на постель. Он только одно сказал: «Больше жить не хочу». Закрыв глаза и замолчал. И умер через три дня...

ПРИТЯЖЕНИЕ СЛОВА

Как и всякий сельский мальчишка, Аким в детстве мечтал стать батыром. Может быть, в наши продвинутые времена это покажется кому-то смешным, а тогда – было делом естественным. Теперь голову малышне заморочили Гарри Поттером и куклой Барби, а прежде детское воображение занимал мир народных сказок и легенд.

Дома по вечерам, вспоминает писатель, его тетушка Зергуль любила раскрыть книгу и почитать детворе. С одного-двух раз Аким запоминал услышанное и вскоре знал наизусть сотни две сказок. В школе, конечно, быстро подметили, что у мальчика прекрасная память, тем более что учительница Алия доводилась его дедушке дальней родственницей. Сидели они скопом в одной комнате, и малыши, и старшеклассники, – на всю школу дров не хватало. Хрестоматию по литературе у Алии вечно одалживали. И вот прочитает учительница школьникам сказание об Алпамысе-батыре, а на следующий день заставляет Акима повторить текст ученикам. Точно так же пересказывал он соклассникам эпические легенды про батыров Кобланды, Эдиге, Карасай-Казы. «В общем, был я у нее чем-то вроде магнитофона или диктофона, – улыбается Аким Уртаевич, – хотя тогда, конечно, про такие штуки мы знать не знали».

В повести «Двор Акберды» он «одарил» своей удивительной способностью младшего братишку Танкиста: этот молчаливый большеголовый мальчуган всем взрослым в доме надоедает чтением стихов из древних поэм.

В книге четырехлетний Танкист трагически погибает – случайной жертвой домашней свары. В жизни было не менее трагично: малыш умер в тяжелом 42-м году от недоедания. «В один день мы его потеряли...»

Однажды, во время войны, приехал к ним в поселок Иса Байзаков. Все собрались послушать знаменитого акына. До утра Иса пел стародавнюю поэму «Аркалык-батыр», и никто не сомкнул глаз. Потом певец уехал, оставив по себе всеобщее восхищение. Многим очень хотелось хотя бы еще разок услышать эту древнюю песню. И вот прослышали, что, оказывается, внук муллы Ашима за-

помнил ее наизусть. По просьбе деда Аким напел легенду землякам, подыгрывая себе на домбре.

Так что тяга к слову имелаась у Акима с детских лет. И таилась до поры до времени, не торопясь проявиться. Видимо, прежде всего душа должна была наполниться впечатлениями, ведь давно сказано, что от избытка сердца уста глаголят.

...В девятом классе он, как полагается, влюбился. Но не один Аким тайком вздыхал по этой красавице-ровеснице... Издавна было заведено: объясняться в своих чувствах письмом, и непременно в стихах. Школьник попробовал что-то сложить в рифму, но быстро забросил: занятие оказалось трудным, слова не находились. Тогда его озарило: надо откуда-нибудь списать! Аким добросовестно перелистал толстенный том Джамбула, но ничего подходящего не отыскал. Седобородый акын славил социалистический труд, доблестную армию, самоотверженность колхозников, а про любовь как-то помалкивал. Тогда юноша нашел полузапретного дореволюционного Абая. Тут было раздолье, стихи, словно пчелиные соты, сочились густым медом любви. Одно из стихотворений ему приглянулось особенно. Когда почти переписал его на тетрадный листок, в дом заглянул товарищ. Заглянул через плечо, оценил выбор и прекрасный почерк – и попросил ему тоже переписать стихотворение. Как не помочь другу... Словом, закончилось тем, что полкласса он обеспечил письмом в стихах. А закадычный дружок еще его же и опередил – первым передал письмо с объяснением предмету вздыханий. Потом скандал на всю школу, когда про все это узнали в учительской. Письма отобрали – везде было одно и то же стихотворение Абая, и все были писаны одним почерком.

– И чем все это завершилось? – спрашиваю у Акима Уртаевича.

– Ну, директором школы все же был мой отец. Вызвал в кабинет, слегка пожурил...

Самое любопытное в этой истории – стихотворение, которым мальчишки объяснялись в любви девушке, было переведенное Абаем на казахский «Письмо Татьяны к Онегину»...

МУДРЫЙ САПОЖНИК

– Писателем я стал, можно сказать, случайно... – как-то заметил в наших беседах Аким Тарази.

И впрямь, если проследить его молодость – сплошные метания. На отделение журналистики не поступил: не достало какого-то балла. Вернулся домой, пошел учителем в школу. Потом вдруг увлекся математикой. Физмат педагогического института. Проучился пару курсов и бросил, разобидевшись на одного из профессоров. Вновь учитель младших классов в захолустном ауле. Казалось бы, не выбраться из учительской лямки. Но энергия в нем кипела, и тут начались в судьбе иные повороты...

В селе Ново-Троицком, центре Чуйского района, будущий казахский писатель учил младшекласников, как ни странно, русскому языку. Соседом у него был старый сапожник, пьяница и домашний философ. Однажды он преподал парню важный жизненный урок: «Смотри, Аким, как я мастерски шью. Все мои сапоги, заметь, 40-го размера. Ты, конечно, спросишь: почему? Отвечаю. Потому, что кругом враги! Что, непонятно? Ну тогда поясню. Если я буду шить сапоги 42–44-

го размеров, что подумают враги? Что советские люди с утра до вечера бегают, и ступни у них выросли от этой постоянной беготни. А если я буду шить обувь 36–37-го размера? Им тут же придет в голову, что наш народ – одни бездельники, бока пролеживают, и ноги у них не выросли. Ну, теперь-то дошло до тебя, почему я выбрал 40-й размер? Средний! Никакому врагу не подкопаться!..»

– И это всерьез он вам говорил?

– В том-то и дело, что всерьез...

Рассказ о сапожнике Аким отправил весной в Алма-Ату, в журнал «Ара – Шмель». Ни ответа, ни привета. Летом он повез свой класс в столицу на каникулы. Побывали в театре, на Медео.

– Идем как-то по проспекту Сталина. Вижу: монументальное здание. На вывеске надпись: «Министерство мясо-молочной промышленности». А чуть ниже скромная табличка: «Журнал “Ара – Шмель”» Говорю напарнику: ты побудь с ребятами, а я сюда загляну. На третьем этаже отыскал нужную комнату. Страшно! Впервые – в редакцию! Кабинет ответственного секретаря. Толкаю дверь – не открывается. Пинаю ее со всей силы ногой. Из другой двери, сбоку, выглядывает человек. «Эй, ты что хулиганишь? Вот отсюда надо входить». – «Я не хулиган. Я рассказ написал!» – «Рассказ? Какой?» – «Про сапожника». – «А, так это ты? Сколько тебе лет?» – «Двадцать два». – «Это хорошо. Ну, посиди здесь, а я мигом». И исчез. Надолго. Я уже засобирился уходить. Возникает снова, улыбается: «Ну, счастливец! Ну, везучий!.. Пошли со мной». Заходим в какой-то огромный зал, я таких и не видел никогда, а там в глубине дубовый стол и за ним маленький человек. На меня не смотрит. Грозный, мрачный, газету читает. Ответственный секретарь почтительно остановился возле стола, ждет. А я присел на стул. Он мне: «Вставай!» – а я сижу. Тут хозяин кабинета закончил читать, сложил газету и спрашивает: «Так, из какого ты аула?» – «Из Чуйского района». – «Тоже мне, чуйский Шолохов... Читал, читал. Хороший рассказ. (Тут он улыбнулся.) Публиковать не будем». «Как же так?..» – спрашиваю, только он как будто не слушает. «Ты вот что, напиши заявление. Ему отдашь, – показывает на секретаря. – А завтра в девять утра на работу».

Так я познакомился с Габитом Мусреповым. А ответственным секретарем был тогда Абен Сатыбалдиев.

Вечером дозвонился в район. Отец разозлился: «Зачем тебе это? Возвращайся!.. У тебя же семья,..»

Но я не вернулся.

НЕ ЖИЗНЬ, А КИНО

Вот так он начинал примериваться к прозе, еще не подозревая, как многотрудна участь прозаика. Искрометные фельетоны, сатирические рассказы, командировки, общение с Габитом Махмудовичем Мусреповым... Два года в журнале. Но пришла пора, и он почувствовал, что исчерпал этот жанр. Понял: юмор, сатира – это лишь приправа к будущим произведениям, а в чистом виде – не его удел. Так оно впоследствии и вышло... Потом снова родной аул, и вскоре новое возвращение в Алма-Ату.

На этот раз Аким устроился в главную партийную газету. Писал очерки. Но уже через пару месяцев услышал от старого газетчика: «Прочел твой материал, парень»

Прекрасно! Наверное, ночь не спал? Знаешь, что я тебе скажу? Беги отсюда, немедленно беги! Газета тебя угробит. А из тебя может что-то получиться...»

Ошарашенный вышел он из редакции. Побрел сам не зная куда. И надо же, навстречу Габит Мусрепов. «Ну, как дела? Где работаешь?» – «В газете». – «Это не твое призвание... Слушай, ступай прямо сейчас в киностудию. Я позвоню, тебя примут. Там есть такой товарищ Блейман, вот к нему и иди. С ним будет еще товарищ Соловьев. Как раз они меня просили найти...» – и Мусрепов, не попрощавшись, повернул к своему дому.

В кабинете главного редактора «Казахфильма» его действительно уже ожидали. «А, ты и есть тот самый Аким? Ну, проходи, садись, – Блейман и Соловьев с минуту рассматривали молодого человека. – Скажи-ка нам, зачем тебе кино? Ты что, киносценаристом вздумал стать?» – «Нет. Просто думаю, что бывают темы, пригодные и для сценариев, и для прозы». – «Смотрите, какой бойкий юноша! А обычным сценаристом быть не хочешь?» – «Буду писать прозу. Возможно, появится что-нибудь пригодное и для кино...»

– В общем, обхохотались они надо мною... – вспоминает Аким Тарази. – А потом говорят: собирайся в Москву. Сходи в кассу, тебе выдадут командировочные...

И он оказался на Высших сценарных курсах. Через несколько лет молодое казахское кино получило великолепный фильм, признанный сегодня классикой: по сценарию Акима Тарази режиссер Мажит Бегалин снял ленту «Следы уходят за горизонт».

Одновременно с работой над сценарием этого фильма молодой автор написал в Москве свою первую повесть. Самое любопытное, что была она на русском языке. Повесть прочел Такен Алимкулов, и она ему понравилась. Недолго думая, потащил Акима в журнал «Дружба народов». Там повесть одобрили и приняли к печати. Но перед самым уходом редакторша отдела прозы приостановила Акима и попросила поправить в рукописи несколько выражений, звучавших не слишком по-русски. О, не знала она вспыльчивости молодого человека. «Это предложение так меня оскорбило, что рукопись я уже не вернул, – вспоминает Аким Уртаевич. – А когда вскоре вернулся в Алма-Ату, написал повесть уже на казахском».

Все, что ни делается, к лучшему: повесть «Комета» вышла в журнале «Жұлдыз», ее расхвалили Тахави Ахтанов и Бердибек Сокпакбаев – и в казахской литературе появился новый интересный прозаик.

КОЧУЮЩИЕ ПЕРСОНАЖИ

– Я поздно пришел в литературу. Мне было тридцать лет... – заметил однажды в разговоре Аким Тарази.

Поздно ли? Думаю, что нет – в самое время. Это только кажется, что предыдущее было ненужными зигзагами судьбы. «Нет ничего случайного на свете. Тот, кто верит в случай, не верит в Бога», – записал как-то в своей тетради русский священник Александр Ельчанинов (изданы после его смерти).

И сам Аким Уртаевич, быть может, в молодости не очень довольный собою, теперь ясно осознает, что математика (всего два-то курса в институте) и кино заложили конструктивные основы его прозы. Математике – геометрии, тригонометрии, говорит писатель, он обязан стройностью композиции своих рассказов, повестей и романов, четкостью построения сюжета. А кино, по его мнению, учит

мыслить категориями экрана: светотени, движения, звука, – и прозаику все это полезно в его работе.

У каждого писателя свой путь в творчестве, и то, что математичка и кино помогли Акиму Тарази созреть как прозаику, вполне естественно: оба эти увлечения были органичными проявлениями его натуры. А жизненные коллизии испытывали душу, давали материал. Из ярких детских воспоминаний родилась повесть «Двор Акберды», многие рассказы. Учительство в сельской школе, конечно же, помогло написать роман «Путь к черной звезде». Аульская жизнь предоставила множество сюжетов для прозы и драматургии.

Впрочем, всякое произведение у любого писателя в той или иной степени автобиографично. Но если у ремесленника от литературы жизненные впечатления оборачиваются бытописанием, то у творца автобиографичность претворяется в особое, неповторимое, присущее только ему видение мира и связанных с ним переживаний, мыслей и раздумий.

Хорошо зная село и город – как маленький, районный, так и столицу, – писатель подметил в своих современниках явления типические, ярче всего рисующие время. Так, уже в первом его произведении появляется, как бы на обочине повествования, молодой человек по имени Кирпишпай. Поначалу этот ограниченный и ретивый комсомольский служака ничего, кроме легких насмешек, не вызывает. Ну, понятно, малоприятный для бдительной литературной критики персонаж, и автору, разумеется, тут же пеняют на это, советуют искать в жизни положительные примеры. Но вот Кирпишпай появляется в другой повести, мелькает в рассказах, в пьесе – растет в ногу со временем, делает карьеру, сначала в областном центре, а затем и в столице, – и тут уже не до смешков. Перед читателем проявляется законченный тип человека, готового на все ради уютного и теплого служебного места. Предавая всех, вплоть до собственной жены, Кирпишпай, по сути, предает и продает свою душу, – вот что исследует в этом образе писатель.

Другой кочующий герой Акима Тарази – учитель Тунгатар. Это антипод Кирпишпая, потому что вместо лжи и корысти он ищет в жизни правду и справедливость. Но ни то ни другое совершенно не нужно в косном мирке добывателей земных благ – и очень скоро они, сплотившись против чужака по душе, усаживают Тунгатара на судебную скамью (роман «Путь к черной звезде»). А ведь, казалось бы, простые, надежные и, по-своему, добрые люди...

Есть еще один кочующий персонаж у Акима Тарази – талантливый ученый Санджар. По молодости он замахивался спасти все человечество. Но в итоге писатель приводит Санджара к тому, что тот спасает от гибели жизнь одного человека, пусть и законченного алкаша.

Да и мальчик Бураш вдруг снова появляется в позднем его рассказе «Аран». Символическая картинка, образца 1942 года. Слово «аран» обозначает глубокий ров, который в древности охотники копали, чтобы загонять туда джейранов, сайгу и другую дичь. Этот рассказ – о калмыках, которых в войну сослали в Сибирь. Поначалу хотели было часть ссыльных оставить в Казахстане, но власти республики сумели доказать НКВД, что этого делать не надо, ибо калмыки – исконные враги казахов. Что же видит девятилетний Бураш, ничего, конечно, в истории не зная? Он видит, как из красных вагонов вооруженные люди выгружают трупы стариков, женщин, детей. И как в телегу с этим страшным грузом бросают человека, который был еще живым и одними глазами молил о помощи...

Кочующие персонажи – прием не новый в литературе, хотя и довольно редкий. Аким Тарази уверяет, что возник он произвольно. Просто не хотелось-де ему попасть под тучу разящих стрел партийной критики – и он, дабы обмануть ревнителей соцреализма, разбросал биографии своих героев по разным произведениям.

Так – да не так.

С помощью кочующих героев или же героев, возникающих вновь, писатель рисует время, воссоздавая все в большей и большей полноте мир своего воображения, связывая в единое целое все свое творчество.

НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ

Вот что говорит Лев Толстой, умудренный долгой творческой жизнью, в своих дневниках: «В художественном произведении главное – душа автора». Именно в глубины собственной души смотрит автор, создавая образы своих героев. И чем глубже и пронизательней его взор, чем правдивее художник, тем большую ценность представляют его произведения.

Чем привлекает читателя Аким Тарази, так это, без сомнения, обостренным, чутким и проникновенным вниманием к человеческой душе. Любого своего героя, главного или второстепенного, писатель прежде всего рассматривает с этой точки зрения. И в каждом персонаже, даже самом отвратительном, видит человека и старается его понять. Оттого его проза дышит жизнью, ее правдой, ее поэзией.

Разумеется, я не мог не спросить, что формировало его как писателя и сильнее всего повлияло на него. И в общем-то не очень удивился, что это – казахский эпос, устное народное творчество, с его богатейшим словарем.

– ...А из нашего героического эпоса – «Ер-Таргын», – уточнил писатель. – Непривычный, странный там главный герой. Он отнюдь не сокрушает все и вся, вроде какого-нибудь сказочного богатыря или нынешнего киношного Шварценеггера. Ер-Таргын – интеллеktуал, весь из нервов, он, по сути, обыкновенный незащищенный человек. Эпические батыры, они умеют только побеждать – Ер-Таргын защищает, спасает народ. А на следующее утро те, кого он спас, бросают его, переключиваются в другое место. Он легко ранен, но народу уже не нужен. И вся поэма – о том, как Ер-Таргын прощается с женой, с конем, с людьми, которые предают его, оставляя в одиночестве.

Когда я в зрелости перечитывал сказание, – добавляет Аким Уртаевич, – то, восхищаясь в который раз Ер-Таргином, я всегда вспоминал Бауыржана Момышулы. Их образы сливались в моем воображении. Вот так же полковник Момышулы, всем необходимый во время войны, после нее стал никому не нужен...

А из мировой литературы сильнее других на меня, конечно же, повлияла русская литература, – завершает он ответ. – Недаром мои товарищи дружески подтрунивали надо мной, говоря, что я зерно, упавшее на казахскую землю с могучего древа русской словесности XIX века. Это правда. Любимый мой учитель – Лермонтов, а Толстого и Достоевского что, как земных богов...

В последних трех романах Акима Тарази эти влияния – казахского эпоса и русской классики – сказались особенно сильно. Органично сплавившись в горниле его таланта и творческого воображения, они определили и особое место писателя

в казахской прозе. Кажется, никто в ней с такой предельной смелостью и остротой не вторгался в глубины человеческой психики, как это сделал Тарази в книгах «Путь к черной звезде», «Жаза» («Возмездие») и «Москва – Баласаз».

Все три произведения глубинно связаны между собой и отражают трагические процессы в людском сознании, происходившие в канун распада Советского Союза. Писатель чутко уловил эти потрясения, недаром творческий импульс вызвали «обычные» заметки из хроники происшествий. (Так в свое время было с Достоевским, который в некоторых эпизодах криминальной хроники сумел разглядеть и величайшие драмы человеческой души, и грядущие трагедии всего общества.) В «Черной звезде» Тарази исследует историю души молодой женщины, доведенной близкими, вроде бы нормальными людьми до самоожжения. (Если кто запамятовал, тогда на юге Казахстана было несколько таких случаев, происшедших чуть ли не подряд.) А в романе «Жаза» писатель берется за разбор еще более потрясающего случая: отец, чабан, бывший «афганец», убил двух своих детей.

Разумеется, образ, созданный прозаиком, имел мало чего общего с реальным убийцей. Но автор взялся за невероятно трудную задачу – понять этого несчастного, а стало быть, оправдать его, насколько только можно оправдать столь дикий поступок. Сложный двоящийся сюжет: действие происходит то ли в Японии, то ли в Казахстане, преступник – то ли японец, то ли казах... общество, заразившее тяжелым недугом душевный мир главного героя и его детей, сделавшее их души пустыней... наконец, самоубийство Або, или, иначе, Абралы... После публикации романа в журнале «Жулдыз», как сказал автор в одном из интервью, «многие мои читатели стали на его (убийцы) сторону, что было очень странно. Но это было именно то, чего я добивался, когда писал». Не менее мучительные испытания человеческой души прослеживаются и в романе «Москва – Баласаз»... Остается добавить, что за эти два романа Аким Тарази удостоен Государственной премии республики...

СТРОКА ИЗ ГИМНА

За те два с лишним десятка лет, что мы знакомы, я убедился, что Аким Тарази – очень неравнодушный к текущим временам человек. Свидетельство этому – и его художественные произведения, и его публицистика. Прочитал недавно сценарий Акима Уртаевича о Мустафе Чокае, книжку интервью и статей. Любопытно, остро, иногда глубоко, хотя далеко не со всеми мыслями уважаемого автора я согласен. В частности, например, с его убеждением, что в конце советской истории «мы находились на грани колоссальной катастрофы, двигались от социализма к фашизму». Впрочем, это политика, а в оценках недавней истории нынче полнейший сумбур, кто во что горазд, – видимо, не закончилось еще смутное время.

Но вот спросили его недавно о самоощущении художника в наше время, и Тарази дал принципиальный ответ: «Мне кажется, что каким бы ни было общество – свободным, демократическим, тоталитарным – оно сознательно или бессознательно старается выдавить писателя из «своей массы», мне даже кажется, чем демократичнее оно, тем больше это общество старается избавиться от писателей. Но писатель уж такой твердый и упругий материал: чем больше

трудностей, тем крепче он становится. Свирепым было советское общество, но каких писателей мы имели – М. Ауэзов, М. Жумабаев, М. Шолохов, А. Платонов, Ю. Казаков!..

Вообще-то даже доброе и справедливое общество не любит и не должно любить писателя. Потому что писатель – это вечный оппонент любой власти. Как бы кто ни относился к писателю в разные времена – и на самых разных уровнях, писатель – это цветок, который растет на асфальте, на камне. Чем больше давление, тем больше вытесняется “вода”! “Вода” – это слезы интеллектуальной части народа».

Горькое и правдивое признание. Особенно в пору, когда асфальта и бетона становится все больше. Но я, зная жизнелюбивый характер Тарази, все же хочу закончить этот очерк чем-нибудь повеселее. И тут невольно припоминается, как однажды спросил у него:

– Ну вот, вы, Аким Уртаевич, чего только не сочиняли: и статьи и фельетоны, и рассказы и пьесы, и романы и киносценарии. А как же стихи? Стишками по молодости баловались, а?

– А как же! – бодро ответил Тарази. – Написал разок стихотворение. И даже его опубликовал в молодежной газете. Потом, правда, понял: не мое это дело...

– Как называлось?

– Не поверишь – «Гимн альпинистам».

– Так вы, оказывается, почти как гимнописец Михалков! Не припомните хотя бы пару строк?

– Когда это было!.. Впрочем, что-то такое: дескать, пока не дойду до вершины горы – не остановлюсь...

И тут я смело могу поставить точку. Ибо уверен: до вершины своей горы Аким Тарази еще не дошел. В пути.

